

**ОРГАНЫ ГОССТРАХА ЗАКЛЮЧАЮТ ДОГОВОРЫ
ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СТРОЕНИИ,
ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ,
ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ГРАЖДАНАМ.**

● Добровольное страхование строений и сельскохозяйственных животных проводится дополнительно к обязательному окладному страхованию. При этом общая сумма страхового возмещения по обязательному окладному и добровольному страхованию может составить до 80% стоимости строений и животных.

● Домашнее имущество принимается только на добровольное страхование в размере его стоимости, исходя из государственных розничных цен.

● По договорам страхования Госстрах возмещает ущерб в случае гибели или повреждения строений и домашнего имущества от пожара, наводнения и других стихийных бедствий, а по страхованию животных — при гибели их от болезней, несчастных случаев и вынужденной прирезки.

● Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договоров обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха, которого можно вызвать на дом. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе.

**ГРАЖДАНЕ! ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО
ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ ДОГОВОРЫ
ДОБРОВОЛЬНОГО
СТРАХОВАНИЯ.**

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРАХОВАНИЯ РСФСР**

Ольга ФОКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

А ЗА ЛЕСОМ — ЧТО?

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 39

Ольга ФОКИНА

А ЗА ЛЕСОМ—ЧТО?

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1965

Ольга ФОКИНА

Ольга Александровна Фокина родилась в 1937 году в деревне Артемьевской, Верхне-Тоемского района, Архангельской области. Окончила 7 классов сельской школы и Архангельское медицинское училище. Год работала фельдшером на лесоучастках родного района. Затем училась в Литературном институте имени А. М. Горького.

О. Фокина была участницей четвертого совещания молодых писателей. В 1963 году издательство «Молодая гвардия» выпустило первую книжку ее стихов «Сыр-бор».

Ольга Александровна Фокина

А ЗА ЛЕСОМ — ЧТО?

Редактор П. КРАВЧЕНКО.

А 02094. Подписано к печати 19/X 1965 г. Тираж 97 100. Изд. № 1919.

Зак. 2159. Формат бум. 70×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 1. Услов. печ. л. 1,37.

Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

* * *

Под ветром — полей колыханье,
Меня не ищи — не найдешь.
Мне шепчет свое «до свиданья»
Еще не дозревшая рожь.

Мой брат ее осенью сеял,
А я боронила весной.
И мамин платок закраснеет
Над спелой ее желтизной.

Усталая, сядет у лога
И вспомнит опять про меня:
Растила себе на подмогу
Жалея, любя, не браня.

И верила: с матерью в пару
Над рожью наклонится дочь,
А вышло, что думала даром,
И некому старой помочь...

Родная!
Себе в оправданье
Найду ли какие слова?
...Под ветром — полей колыханье,
Колосьев глухая молва.

* * *

Я вчера, уезжая учиться в Москву,
Шла по влажным лугам, по двинскому песку.
Шла, и в туфли мои набивался песок,
А в руке, что ни шаг, тяжелел туесок.
И скрипел: подожди... подожди... подожди...
И какая-то боль поднималась в груди.

Я недавно бродила в еловом лесу,—
Не от елки ль иголки у сердца несусь?
По лугам надо мной все жужжала пчела,—
Жалить сердце мое не она ль начала?

...От холодного ветра тихонько дрожа,
Мать мне руку дает, говорит: — Поезжай.
Поезжай,— говорит,— но запомни одно:
И Двине берегов не сравнивать все равно.
На одном берегу все песок да песок,
А другой испокон и лесист и высок.
И один каждый год заливают вода,
А другой под водой не бывал никогда.
Ты в низине родилась, в низине росла,
И в низине б тебе поискать ремесла:
На крутом берегу все дороги круты,
Беспокоюсь, боюсь — заплутаешься ты...

Но, за весла садясь, я махнула без слов,
И навстречу лучам заплескалось весло.

РЕЧКА СОДОНГА

Глинистая,
Обрывистая,
Пахучая,
Сыпучая
Над речонкой круча,
И по-над кручей —
Травы колючие,
А внизу у нее
Над каждой каплей
Дрожат
Осоки-резуньи —
Обнаженные сабли.
А и беречь-то что?
Велика ли царица —
Перекинешь рукавицей!
Вода сера,
Как небо над ней,
Разве что быстра,
Да похолодней,
Да почище чуть,

Да жива, как ртуть,
Да журчать мастерица,
Да вкусна — не напиться..
А кому смотреть?
Кому пить?
Кому слушать-то?!

...Двое над обрывом стоят:
Темная осанистая елка,
Подальше от края — елка-мать:
Держит за подол свою девчонку,
Пушистую,
Ершистую,
Ту, что к самому краю
Подбежала, играя,
И притихла на краю,
Свесив ноженьку свою...
И нет для обеих ничего лучше,
Чем глинистая,
Обрывистая,
Пахучая,
Сыпучая
Над речонкой круча,
Где по-над кручей —
Травы колючие,
А внизу у нее
Над каждой каплей
Дрожат
Осоки-резуньи —
Обнаженные сабли.

* * *

Я сижу над раскрытой тетрадью,
Как кузнец у остывшего горна,
Пересматриваю работу,
Не дописанную вчера.

Я сижу над раскрытой тетрадью,
Но какими обидно-черными,
Непригодными железяшками
Мне слова вчерашние кажутся,
Те слова, что казались алыми
И единственными вчера!
Как кузнец по знакомой кузнице,
Я шагаю из угла в угол.

Посмотреть — ничего не делаю,
А на деле — совсем не так:
В том углу у меня — лучина,
В этом — твердый древесный уголь,
А в переднем на полке — спички,
А в четвертом углу — мой горн!

Как кузнец по знакомой кузнице,
Я шагаю из угла в угол,
Посмотреть — ничего не делаю,
А на деле — совсем не так:
Отработав, погасла спичка,
Но потрескивает лучина,
Догорела в горне лучина —
Черный уголь зарозовел!

Наклонюсь, с земляного пола
Подниму оброненный гвоздик,
К потерявшей чеку телеге
Подберу другую чеку...
Нагнетая мехи тугие,
Шевельну застоявшийся воздух
И холодный кусок металла
Суну в самый палящий жар!

Я железо калю не даром,
Я не зря стучу в наковальню,
Поднимаю тяжелый молот,
Опускаю его не зря:
Веселей просыпаться людям
В их разбросанных деревушках,
Если кто-то уже проснулся,
Если где-то уже заря!

...Эту сеялку, чуть живую,
Я не зря возвращаю к жизни,
Видишь, парень русоволосый
В роднике поит лошадей?
Он сейчас им травы подбросит,
Сам попьет молока парного
И придет — вороную пару
В эту сеялку запрягать.

* * *

Я люблю вас, ночи черные!
Я люблю вас, ночи белые!
И ручьи некипяченые,
И березы поседелые.

Под луной или под инеем,
Иль под северным сиянием
Я ночами часто длинные
Проходила расстояния.

Было — снег скрипел под лыжами,
Было — сани мчались с посвистом,
Только чаще ели слышали
Легкий шаг, что на морозе стыл.

Я несла в лесные домики
И в бараки с лесорубами
В сумке пушкинские томики,
За спиной — рюкзак с микстурами.

Мне сейчас с тоской упорною
Светят люстры осовелые...
Воротитесь, ночи черные!
Воротитесь, ночи белые!

В ДОРОГЕ

Ночь. Мороз. И звезды, звезды!
И легка у Кårька рысь...
С клюшкой, маленькая ростом,
Кто там? Бабушка? Садись!

Сто «спасиб». Зачем так много?
Мне довольно одного,
Укрывай тулупом ноги,
До поселка далеко.

С доморощенным гостинцем
Узелок не вороши,
В женихи красавца принца
Не сули, не ворожи.

Не люблю я, бабка, сала,
Не хочу в принцессы я...
Я тебе бы рассказала,
Где живет печаль моя,

Ничего бы я не скрyla,
Кто он, что он, как зовут,
Самый лучший, самый милый
Обладатель хитрых пут.

Как для Кàрька эти вожжи,
Для меня — его глаза...
Только чем ты мне поможешь?
Что сумеешь подсказать?

Ты не фея, не колдунья,
Даже нос не крючковат,
Даже имя — просто Дуня,
Даже шуба без заплат.

Вот уже и задремала,
Далекóнько, зная, брела...
Ладно, спи. А я, пожалуй,
Я свое отоспала.

По-иному скрипнет полоз,
Конь ли, елка ли вздохнет,
Уж смотрю, не тот ли голос?
Не встречать ли ОН идет?

На дорогу светит месяц,
Бесконечен темный лес.
Бабка спит. И нет на свете,
Как ни жалко, нет чудес.

ИСТИНА

*Памяти моего дяди
Михаила Ивановича Фокина*

Под угором строят баню.
Беззаботен, быстроглаз,
Марш насвистывает Ваня,
Мох укладывая в паз.

— Гоп-ля! Готово, дядя!
Гоп-ля! Давай бревно!
Ух ты! Почти не глядя,
Как сумел пригнать-ды, дядя,
Ствол к стволу — ровным-ровно?

Дядя пьет речную воду
Из блестящего ведра,
Хвалит славную погоду,
Что наладилась с утра,
И опять топор, как птица,
Брызжет свежая щепка,
И, как речка, речь струится
Не щедра и не скупа:

— Чтобы ствол, какой потолще,
Не ложился, как не должен,
Чтобы тонкие стволы
Не казались бы малы,
Чтобы баня не косилась,
Не садилась, не валилась,
Чтобы весело топилась,
Грела-мыла сто годов,
Чтоб хозяйка не бранилась,—
Делай так, чтоб приходилось
Сердце в сердце у стволов.
Будешь после строить жизнь —
Той же истины держись!

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Уснули разноречивые.
Смолк на один часок
Гомон: «Чьи вы? Чьи вы?
Откуль? Откуль?».
И только — «буль-буль...
Буль-буль...» —
Каплет березовый сок
В туесок.

Звезды услышали.
Столпились, за небо держась.
Решают: нельзя пониже ли?

Хочется взглянуть, да страшно упасть.
Толкнули одну: не суйся!
А она сорвалась и — шась! —
В самую середину тусеса!

«Тиль-тель-буль!..»
Заяц спросонок — скок!
И сердце в пятки,
И невдомек —
Во сне ль, наяву ль
Такие загадки?
Сбоку — узоры, внутри — огонек...
Экой какой пенек —
Сладкий!..

Я завтра в эти края сорвусь,
Сорвусь, как звезда падучая,
Я в сладкий березовый сок окунусь,
Как в средство самое лучшее
От всех уроков¹,
От всех пороков!

Я к милым березам щекой прижмусь,
Поцелую берестяный краешек
И буду пить еще и еще,
И будет снова все хорошо,
Так хорошо, как раньше.

* * *

Не знаю, что тебе писать
И как с тобою разговаривать.
Ты осмелял мои леса,
В них дичи не добыв на варево.
Ты речку чистую мою
Смутил небрежным: — Эка невидаль!
Тут по колено воробью,
Тут и мочить не стоит невода!

Не стоит невода мочить?
Да ты пройдишь ее извивами,

¹ Урок от изурочить — сделать больным с помощью худого слова (северное поверье).

Послушай, как она журчит,
Да посиди под теми ивами!
Но ты, верша неправый суд,
Земли моей не оправдал-таки,
Мол, ивы дела не спасут,
Ведь тут не зреют груши-яблоки.

Ты гость, ты прав.
Я не вольна
Ни обижаться, ни досадовать,
Хоть откровенно влюблена
В непышный этот луг исадовый.
Воспоминанья хороня,
Мы мало в памяти оставили,
Но луг от смерти спас меня
Своим и клевером и щавелем,
А лес и раннею весной
(Не говорю про дань осеннюю)
Без говорильни показной
Бывал не раз моим спасением.
Насильно милые — жалки.
В насильно милые не просимся,
Но я дитя моей реки,
Озиминка из этой озими.
Как полюбить меня ты смог?
За что? Я не орех кокосовый,
В моей крови брусничный сок,
И сок ржаной, и сок березовый.

ПРО КАРТОШКУ

Когда из подвальной сырости
Ее посадили в грядку,
Она торопилась вырасти,
Чтоб видеть солнце и радугу.
Крепкий росток, как бивень,
Пласт земли пробуравил,
И первый июньский ливень
Ей первый листочек расправил...
Куры, сплетницы огорода,
Кричали: — Ни в мать взошла, ни в отца!
Но уже через три восхода
С ней начал лопух раскланиваться.

И вдруг — хозяйка с засёкой¹;
— Окрепла, моя голубушка?
Лопух увидала: — Экой! —
И вырвала с корешком лопушка,
И через два мгновенья
На месте зеленых листочков
Встала, с собственной тенью,
Серая рыхлая кочка.
Зашипела злорадно крапива,
Сжатая, брошенная на межи:
— Погибнеш-шь, барыня прихотливая,
Раньше нас или с нами же!
Но картошка помнила солнце!
Сквозь землю чувствовала луч его!
Наутро проткнула листком оконце
И подумала: — Ничего!
Когда мне трудно немножко
И кажется жизнь дремучею,
Я не плачу, а ем картошку.
Ее ведь тоже окучивали.

ЧЕРЕМУХА

Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце...
Он был тогда безусым, безбородым,
С улыбкой на обветренном лице,
Колхозный бригадир.
Вернувшись с поля,
Шагал на речку мыться, а потом,
Перекусив ржаного хлеба с солью,
Полено брал, да нож, да долото,
В траву катились стружки-завитушки,
Как волосы дочуркины, белы,
И начинали новые игрушки
В избе сосновой обживать углы:
И пахарь с плугом, и косарь с горбушей,
И кузнецы, и лодка в два весла,
И пыльник, никогда не устающий...
Но тех игрушек я не сберегла.

¹ Засёка используется для окучивания картошки, вроде мотыги

По веснам спать отцу мешали утки.
Хватал ружье, но приходил ни с чем.
Увидел раз: черемухе-малютке
Все корни обнажил шальной ручей.
На корточках присев перед бедняжкой,
Руками землю талую разрыл
И осторожно, в новую фуражку
Земли насыпав, кустик посадил.
Понес домой.
Болталось за плечами
С травинками на мушке, дулом вниз,
Ружье.

В полях, усеянных грачами,
Навстречу поднимался шум и свист,
Соседки озирались удивленно,
Посмеивались в горсти мужики:
— Охотимся? —
А он шагал, смущенный,
И мокрые блестели сапоги.

А вот и дом.
И радостное: — Тя-ята! —
Несется из распахнутых ворот.
По звонким лужам обгоняя братьев,
Я первая взлетаю в небосвод.
Сердита мать:
— Не надоело шляться?
Но он, смеясь, ей зажимает рот:
— Хорошая! Нельзя на нас ругаться!
Идем, посадим кустик в огород.

Мы были одинаковые ростом
С черемухой.
Той ласковой весной
Жилось мне так легко, светло и просто!

...В какой из дней в наш тихий край лесной
Пришла война, об этом я не знала,
Должно быть, в толстой сумке почтальон
Ее принес. И вот отца не стало:
С котомкой подбегал к подводу он,
Когда в постельке с тополиным пухом
Проснулась я, крича: — Меня забыл! —
Но лишь ушанка свесившимся ухом
Махнула мне с отцовой головы.

День ото дня все тише, тише, тише
Звенели в доме нашем голоса,
Все чаще протекала наша крыша
И от лучи... плакали глаза.
На праздник больше не варили пиво,
Для песни мать не разжимала губ.
Она утрами стала жать крапиву,
Чтоб хоть какой-нибудь готовить суп.
Не жгла крапива высохшие руки,
Бессонные, не видели глаза,
Когда с крапивой вместе серп срезал
Черемуховый стебелек упругий.
Но в этот день горька была похлебка,
И запах был черемуховый в ней...
Поняв, мы ложки положили робко
И сразу стали старше и умней.

Потом, до слез ровесницу жалея,
Вплоть до морозов я сбивалась с ног,
Тайком от всех из родника Илеи
Носила воду — поливать пенек.
Живым родник Илею называли,
Но делать чудо медлила вода,
И хлеб, вкусней которого едва ли
На свете было что-нибудь тогда,
Я сберегала, чтобы им, как клеем,
С пеньком чужую ветвь соединить,
И ленточку, шиповника алее,
Я выплела — черемуху обвить.
Но были все труды мои нехстати —
Не зеленеть же листьям в октябре! —
И как-то неожиданное: — Хватит! —
Меня хлестнуло около дверей.
— Садись за зыбку! Рвать обутики хватит! —
Но, от обиды вдвое став смелей,
Я возразила матери: — А тятя,
Он спросит о черемухе своей!
Не разобрав, мать плачет иль смеется,
В большом корыте тиская белье,
Я услышала:
— Тятка не вернется
И никогда не спросит про нее...

А новый день был так лучист и светел!
Плясал, и пел, и плакал сельсовет,

И громче всех, смеясь, кричали дети:
— Сегодня мир! Войны сегодня нет!
Как голубело небо над домами!
Как небывало вкусно пах шесток!
Но я опять не угодила маме,
Воскликнув:
— На черемухе — листок!

...Прислушиваясь к шумным внешним водам,
Стою в раздумье на родном крыльце:
Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце.
Во всей красе над нею небо мая!
Счастливых слез свиданья не тая,
Меня седая мама обнимает,
Седую маму обнимаю я.
Вершинкою, поднявшейся над крышей,
Черемуха кивает ей и мне.
Такого цвета поискать — не сыщешь,
Листвы не встретишь гуще и темней.
Но если каждый красоту заметит,
То не любой поверит и поймет,
За что милей всех запахов на свете
Мне этот пряный, горьковатый мед.
И отчего, с черемухой встречаясь,
Я уйду на столько лет назад
И отчего невольно замечая,
Что ствол ее и крив и узловат.
Те шрамы — знаки мужества и силы,
Святая память отгремевших дней...
Спи, мой отец!
Цвести по всей России
Раскидистой черемухе твоей...

ХЛЕБ

(Из поэмы «Аленушка»)

Не начать ли рассказывать,
Как Аленка росла?
Как впервые полмяткого¹ —
Трудовые — несла?

¹ Мягкий — круглый хлеб домашнего печения (архангельское).

Под пиджачишком латаным,
К сердечушку прижат,
Несет надежно спрятанный,
Несет Аленка клад.
Домой идет Аленушка,
Но как она идет! —
Не прыгнет через бревнышко,—
Его перешагнет,
Не потревожит лужицу,
Как лужа ни мани!
А головенка кружится,
И шепчет хлеб:
«Взгляни!
Взгляни, какой душистый я,
Хорош любой крохóй!
Мука ржаная, чистая,
Не мешана с трухой,
Ни кожуры картошкиной,
Ни высевок-мякин
Ни ложки, ни пол-ложки нет,
Из чистой я муки!»
Хозяйка квашню новую
Из подпола брала
И воду родниковую
Нагретую лила.
Закваски, корок моченых
Да соли горсти две...
Строга, сосредоточенна,
В платочке до бровей,
Несла хозяйка сельницу¹,
Полнехоньку муки.
(Вечор поздненько с мельницы
Вернулись мужики.
Спросила: — Что не скоро-то?
Знай, выпили опять? —
Да так уж славно смолото —
Не стала и ругать!)
...Мутовка²-суковатина,
Верхушка от сосны,
Зачавкала старательно:
— Вкусны-вкусны-вкусны!
(Головушка Аленина
На кромку зыбки склонена.)

¹ Сельница, сеяльница — для просеивания муки.

² Мутовкой размешивают тесто.

Густое тесто чмокает
И, как малыш, сопит,
Что в зыбку ту глубокую
Положен, сладко спит.
Стоит, как лодка, сельница,
Туда-сюда совок,
Квашня вздыхает, пенится,
Над сельницей — дымок.
Вкусны-вкусны, вкусны-вкусны
Сейчас Аленке снятся сны.
...«Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах».
-А-а-а, а-а-а...
На раздутых парусах...
Баю-баю, баю-бай...
На раздутых парусах...
Алые паруса.
Синие небеса...
Худой букварь нашла вчера,
А нынче на заре
Четыре строчки ты прочла
В растрепе-букваре.
Четыре строчки по складам,
По буковке одной,
И вот теперь кораблик сам
Бежит — не стороной,
Бежит к тебе, высок и прям,
Прямехонько бежит,
Скользит по пенистым волнам
И парусом шуршит.
Печатных пряников гора
На этом корабле,
Свисает с мачты виноград...
А кто ж там на руле?
Усы смущенно теребя,
Взаправдашний, живой,
Стоит и смотрит на тебя
Убитый батька твой...
Головушка Алена
На кромку зыбки склонена.
Вкусны-вкусны, вкусны-вкусны
Сейчас Аленке снятся сны.

...Кипят горшки пузатые,
Хозяйке — не прилечь:
Уж пламя языкатое
Повылизало печь.
За хлопотами — хлопоты:
Красны, накалены
Катятся угли по поду,
Крупны да ядрены.
Пока они пошепчутся,
Где, что калить и как,
Знай, покатуха¹ мечется
В хозяйкиных руках.
И тесто неуклюжее
Подкидывает, знай,
И гляньте-ко! — на кружеве
(Пока не каравай!),
На скатерти узорчатой
Как будто луг бугорчатый
В июле ополдён:
Полным-полно копён!
А посреди — огромный стог —
Со свежей щукою пирог!
Пока копенка свежая —
К остожью не свезешь:
Воздушно сено нежное,
Дорогой растрясешь!
С копенкой надо подождать,
И «мягким» надо полежать.

...Из подпола хозяйка
Достала помело,
И обмакнула в шайку,
И сунула в чело.
Шипенье и шепот.
Еще бы! Еще бы!
— Здравствуйте, угли!
Как я рад!
Шутка — не шутка ли,
А я — ваш брат.
Были вы, угли,
Стройной сосной,
Та сосна срублена
Прошлой весной.

¹ Покатуха служит для придания тесту формы «мягкого».

Сучья обрубili
У той сосны,
Чурок напилили
Нужной длины.
Девчонке-«арапке»
Крикнула мать:
— Сосновые лапки
Иди-ка ломать!
Которые попарные —
Не тронь, пусть висят,
Ломай одинарных
Сто пятьдесят!
Сломанные лапки
Взяли в горсть
Стеблями вместе,
Иголками врозь,
Связали прутóм,
Насадили на шест,
Назвали помелом,
А это я и есть!
А жить в подполье
Темным-темно,
Скучно одному-то,
Да и холоднó!
Вершинка-плутовка,
Наша сестра,
Пошла в мутовки,
Гордится — страх!
Шепну квашне
Как можно нежней:
— Мне, квашня,
Сестра бы нужна ¹!
А мутовка со дна
(До чего вредна!
Как будто она
Совсем и не сосна!):
— Я — бела!
У меня — дела!
Нету мне дела
До тебя, помела!
...Вам-то, угли,
Уж как я рад!

¹ Квашня вместе со спущенной в нее мутовкой хранится, как и помело, в подполе.

Шутка — не шутка ли,
А я — ваш брат!..
Но сердятся угли,
Кусают зло:
— Пугало ты, пугало!
Ведьмы ты клочок!
Мы тебе, пугалу,
Подпалим бок!
Помело глотает
Горький дымок
И гасит, безволосое,
Жалей — не жалей! —
Золотую россыпь
Звнящих углей...
А вот уж и лопата
Из-под печи достата!
Худа она, плоска —
Не ущипнешь мяска!
И длинная-предлинная,
Как тетка Акулина,
Которая пашет
На кляче «Пропавшей».
Все дни с утра до вечера,
С восхода до заката
За плугом ходят плечи —
То к лесу, то обратно.
Она и в день воскресный
Не сядет отдохнуть,
А только тянет песню
Которую-нибудь:

— А ягодиночку убили,
Не поставили креста,
Его общая могила —
Человек четыреста!

— А ягодиночку убили,
Да и мне бы умереть,—
Ни который, ни которого
Не стали бы жалеть!

— А надоело жить на свете —
Холод, голод и тоска!
Утром встанешь — хлеба нету
Ни единого куска!

— А я на Содонгу-реку
Ходила, умывалася,
Кабы не Содонга-река,
Куда-нибудь девалася!

— А посмотрела бы теперь, да,
Кто на дролечку похож,
Всю бы ночь простояла,
Хоть какой залёвной дождь!

— А неужели это будет,
Неужели я дождусь,
Хлеба досыта наемся,
Чаю с сахаром напьюсь!

...Лопате, как и тетке,
Хватает работки:
Сколько хлеба
В печь сносила,
Сколько хлеба
Из печи достала,
А ни крошки
Не откусила,
Ни краюшки
Не пожевала.
Оттого лопатэ
Иссохла вся,
Оттого лопата
Сгорбатилася;
Хоть жги лопату,
Хоть щепай в лучинки,
Не выжмешь из горбатой
Слез ни росинки...

РОЗОВОЕ МЫЛО

В цветной бумажке розовое мыло,
Ты пахнешь чем-то очень дорогим,
Ты пахнешь чем-то несказанно милым...
Но чем же? Память, память! Помоги!
Чуть уловимый запах земляники,
Едва заметный — ржи и васильков,
И аромат лесных тропинок диких,
И душистый мед некошенных лугов,

И — вместе все... Когда такое было?
Но память вновь меня не подвела:
Ты пахнешь детством, розовое мыло!
Как позабыть об этом я могла?
Была война. Дымы больших пожаров
Не залетали в нашу глухомань,
Но как-то в сельсовет пришел подарок,
Пришла посылка с надписью: «Для бань».
Я материнских глаз не позабыла,
Они светились, радовались так,
Как будто дали ей не кубик мыла,
А самородок золота в кулак.
Намытое, давно скрипело тело,
Уж мать в предбанник выносила таз;
Но я открыть упорно не хотела
Зажмуренных от мыльной пены глаз.
Тогда, впервые за четыре года,
Мне снова пахло теплым молоком,
И белым хлебом, и тягучим медом,
И васильками, и живым отцом...

* * *

Брату Володе

Река, журча, бежит проворно
Среди лугов, лесов глухих.
На берегу — шалаш просторный
Из веток ели и ольхи.
Ему погожими утрами
Сулят кукушки много лет,
Когда ж зари вечерней знамя
Погаснет, одинокий след
На травы росные ложится
Из-за реки до шалаша
И ухают ночные птицы,
Сердито крыльями шурша.

Куст шевельнется, хрустнет ветка,
Дымком потянет над рекой,
И — настезь золотая клетка,
Темница птицы золотой.

И птица вскинется... А проще —
Ты разведешь себе костер,
Сухого хворосту подбросишь,
И пламя вырвется в простор.
И перед ним померкнут звезды,
Погаснет алая заря,
И задрожит холодный воздух,
Остывший воздух сентября.

...Гори, костер!
Небезвозвратно
В ночную тьму искра летит, —
Твой треск веселый многократно
Лесное эхо повторит.
Хоть и неплохо ты упрятан,
Хотя и нет к тебе дорог,
Спешат ребята и девчата
Из деревень на огонек.
А с ними — песни и гармошка,
А с ними — шутка не одна,
И с ними — свежая картошка
И хлеб из нового зерна.

Мне горше нет, чем быть не с вами!
Ничьих советов не спросив,
Уже бегу к тебе полями
Родной Руси, моей Руси...
Ты поддержи, братишка, пламя,
Ты только пламя не гаси!

* * *

Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулкое лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.

Простые краски северных широт —
Румяный клевер, лен голубоватый,
И солнца блеск, немного виноватый,
И облака, плывущие вразброд.

Плывут неторопливо, словно ждут,
Что я рванусь за ними, как когда-то...
Но мне, теперь не меньше их крылатой,
Мне все равно, куда они плывут.

Мне все равно, какую из земель
Они с высот лазурных облюбуют,
Какие океаны околдуют
И соберут их звонкую капель.

...Сижу одна на тихом берегу,
Варю уху на старом пепелище,
И радость ходит по душе и брызжет,
Как этот кипяток по чугунку.

Другим без сожаленья отдаю
Иных земель занятные картинки...
Срываются веселые дождинки
На голову счастливую мою.

ПОДРУГЕ

Милая, спасибо за старание!
Только и тебе узнать неплохо бы,
Как июльский заморозок ранний
Убивает нежный цвет гороховый;
Как мой тятя полосу распахивал,
Песню пел тягучую и грустную,
Длинной вицей над конем помахивал,
Пообедав редькой да капустою.
...Шли ростки зеленые да крепкие,
И ходила мимо мама, радуясь:
— Срок придет — побалуемся с детками!—
И полоску обнесла оградой.
Подоспел июль. По темной зелени
Закачались белые кораблики...
Не во время, ой, как не ко времени
Вместо рос упали льда кристаллики!

Промолчала б я об этой повести,
Если б слезы у меня не капали
От твоей такой жестокой новости,
Как тогда, в далеком детстве, на поле...

* * *

Лейся, ливень, сколько хочешь!
Хоть подряд десяток лет!
Нашу дружбу не размочишь,—
Нашей дружбы больше нет...

Молния, черкай бывшее!
Заглушай бывшее, гром!
Письма, ставшие золою,
Треплет ветер над бугром.

Плачьте, белые березы!
Лист осинный, дрожи!
У меня ж не льются слезы:
Милый их не заслужил,

* * *

Пой, вселенная! Я воскресаю!
Воскресаю, вселенная, пой!
Хлеб от целой буханки кусаю,
Запиваю холодной водой.
От друзей, от подруг и знакомых
В глушь лесную на лыжах лечу:
Только тут я действительно дома,
Только тут я душой не молчу.
Пень почтительно скинет папаху,
Поприветствует молча сосна...
Только тут без тревоги и страха
Твоего начитаюсь письма.
Любишь, любишь!..
В восторге беспечном
Как я счастье боюсь рассорить!
Любишь! Любишь надолго, навечно..
Как назвать тебя? Чем отдарить?

Тебя обманут первого апреля:
— Приехала! В семидесятой — свет!
И, встрепанный, сорвешься ты с постели
И кинешься туда, полуодет.
Приехала!.. Знакомым коридором
Перелетишь на крыльях голубых,
В одно мгновенье позабыв про ссоры,
Про кровные обиды позабыв.
У двери сердце вырвется наружу,
Само собой, не требуя услуг,
И будет общежитие разбужено
Его нетерпеливым: — Тук-тук-тук?..
Но не шелохнет тишина за дверью.
Поймешь ты через несколько минут,
Что подшутили над твоим доверьем
И что тебя хохочущие ждут.
Пойдешь к себе, скрипя зубами: «Ладно!
Я им устрою! У меня поржут!»
И с болью сердце затолкнешь обратно..
А я тебе навстречу — тут как тут!
Я ничего не знаю про обманы,
Я прилетела раньше на три дня..
И вместе с рюкзаком и чемоданом
Ты, сильный, вскинешь на руки меня.
И — настезь все студенческие кельи,
И скажешь, светлый, радостный насквозь:
— Ну, черти! Даже первого апреля
Вам обмануть меня не удалось!

Светлые, нарядные домишки!
Вы не хмурьте вырезных бровей
На шального лыжника-мальчишку,
Что спугнул с рябины снегирей.
Что, оставив лыжи под забором,
По сугробам прыгал, словно бес,
А потом хозяином — не вором! —
На чужое дерево полез.
Иней, иней виснет на рябине,
Сыплется мальчишке в рукава..
Не ищите слова пообидней,
Позабудьте всякие слова!

Видите глаза его любимой —
Синие лучи из-под руки?
Пусть с озябших ягодок рябины
Сыплются снежинки-огоньки!
Милые, нарядные домишки!
Вы не хмурьте вырезных бровей
На шальных девчонку и мальчишку,
Что спугнули ваших снегирей.

КТО НА ТАРНОГУ? ¹

Возле Вологды —
Дни и ночи гуд,
Во все стороны
Поезда бегут.
Рельсы синие
Кличут скорые
В Воркутинию,
В Вытегорию...
А на Тарногу,
Ох, на Тарногу —
Ни почтового,
Ни товарного!
И до Тарноги
Не доплыть водой,
А по воздуху
Я ездок худой.
...Делать нечего,
Раз послала власть —
Не перечила,
Перемаялась.
Над болотами,
Над поскóтиной
Укачал меня
Самолетина!
Укачал — и сел!
По земелюшке
Не спеша иду
Рядом с девушкой.
После воздуха
Непривычная,
Как земля тиха!
Как улыбчива!

¹ Тарнога — один из отдаленных райцентров Вологодской области.

И попутчица —
Очень славная!
Молвит ласково,
Смотрит преданно,
По фамилии —
Вячеславова,
А по отчеству —
Филаретовна.
Косы девушки —
Отбеленный лен,
Словно был тот лен
На снегу сто ден.
...Кажет девушка
Гостье Тарногу,
Кажет Тарногу
С удовольствием:
От «магазина»
Промтоварного
До «магазина»
С продовольствием.
— Вам купить чего?
Вам подать чего?
— Молока,— смеюсь,—
Литру птичьего!
— Что так мало-то?
Вкусно птичье-то!
Нам не велено
Ограничивать! —
Подают ведро,
Говорят: — Добро
Молоко в жару
Попивать в бору.
Не попьешь у нас —
Не пивать веком!
...А и впрямь жара,
Да и бор — рядком!
И получасом,
Влагу в ковш налив,
Мы ведро вдвсем
Опорожнили...
И уже, уже,
Как сияние,
Началось в душе
Ликование!
Чудо чудное!

Что с попутчицей?
Что она летать,
Что ли, учиться?
Вся полощется,
В небо тянется,
Вот притворщица!
Вот забавница!
...Диво дивное!
Вдруг, вспорхнув на ель,
Соловьиною
Я пускаю трель.
И пернатый мир
И растения
Подключаются
К песнопению.
Очень здорово
Получается!
А попутчица
Отзывается.
— Поглядим,— звенит,—
Ширь лесов моих!
Полетим в зенит,
Невесомые!
...Голубая даль,
Золотая высь!
Можно — снизу вверх,
Можно — сверху вниз.
Белым облаком
Умывались мы,
Теплым солнышком
Утирались мы.
Из людей никто
Нас не видывал,
А кто видывал —
Позавидовал.
Но совсем-совсем
Не для зависти
Я про эту былъ
Написала стих.
Надо тарку¹ бы
С кем-нибудь послать,
Кто на Тарногу
Захотел слетать.

¹ Тарка — круглая посуда для жидкости, тѹес, ведерко (Вологда).

Молочка того
Хоть с полтарки бы..
Кто на Тарногу?
Кто на Тарногу?

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

В неизменной фуфайке сосновых лесов,
Холодна, а порой диковата,
Ты не рядишься в крылышки парусов,
Лишь плоты на тебе, как заплаты.

И хотя день и ночь сарафан голубой
Катерами прилежно утужишь,
Все равно недосуг любоваться собой:
Приближаются долгие стужи.

А когда по ночам на твоих берегах
Запоют о красавице Волге,
Соберешь ты и спрячешь поспешно в рукав
Частых звезд голубые осколки.

И раскинешь туманы, от взглядов таясь,
Видно, песни тебя всколыхнули,
И росой обильной наплачешься всласть
За короткую ночь июля.

А с рассветом — опять пароходам гудеть.
Росы вспыхнут — и высохнут вскоре,
Только мелкая дрожь пробежит по воде
От истоков до Белого моря.

О разливах, о плесах твоих золотых
Мало песен поется в народе:
То ли люди не видят такой красоты,
То ли слов, чтобы спеть, не находят.

* * *

Лес да лес... А за лесом — что?
Море ли? Горы ли?
Грусть да грусть... А за грустью что?
Радость ли? Горе ли?

Верно, радость,— ведь ты придешь,
Пусть мы с тобой и спорили...
В сердце — тоска, в голове — галдеж...
Скоро ли? Скоро ли?

Милый, кого я в тебе найду —
Друга ли? Вора ли?
Встречи с тобою, как счастья, жду:
Скоро ли? Скоро ли?..

* * *

Пусть засну я, и пусть мне
приснится
Ускакавшее счастье мое.

Вас. Федоров

Счастье мое ускакавшее, здравствуй!
Дай, обмою твои копыта,
Голову дай — обниму гривастую,
Поцелую глаза незабытые.
Здесь, на тропах, дождем размягченных,
На дорогах моих непролазных
Остались лунки от ног точеных,—
Им наполняться водою грязной,
Им размываться дождями осенними,
Им колесом тележным раздавливаться,
Чтоб перед ними, моим спасением,
Мне, грустящей, не останавливаться.
Чтобы не пить из копытца водицу,
Не вспоминать ни ржанья, ни топота,
Чтобы со мной не посмел делиться
Братец Аленушки горьким опытом.
...Мама природа! Ей так недолго
Белое в черное переиначить,
Сделать твой след следом серого волка,
Выпустить по следу стаю собачью...
Только как она ни обманывай,
Как она надо мной ни властвуй,
Я скажу тебе громко и заново:
Счастье мое ускакавшее, здравствуй!

СОДЕРЖАНИЕ

«Под ветром — полей колыханье»	3
«Я вчера, уезжая учиться в Москву.»	3
Речка Содонга :	4
«Я сижу над раскрытой тетрадью...»	5
«Я люблю вас, ночи черные!»	7
В дороге :	7
Истина	8
Весенняя сказка	9
«Не знаю, что тебе писать...»	10
Про картошку	11
Черемуха	12
Хлеб (из поэмы «Аленушка»)	15
Розовое мыло	21
«Река, журча, бежит проворно...»	22
«Простые звуки родины моей...»	23
Подруге	24
«Лейся, ливень, сколько хочешь!»	25
«Пой, вселенная! Я воскресаю!»	25
«Тебя обманут первого апреля...»	26
«Светлые, нарядные домишки!»	26
Кто на Тарногу?	27
Северная Двина	30
«Лес да лес... А за лесом — что?»	30
«Счастье мое ускользнувшее, здравствуй...»	31

